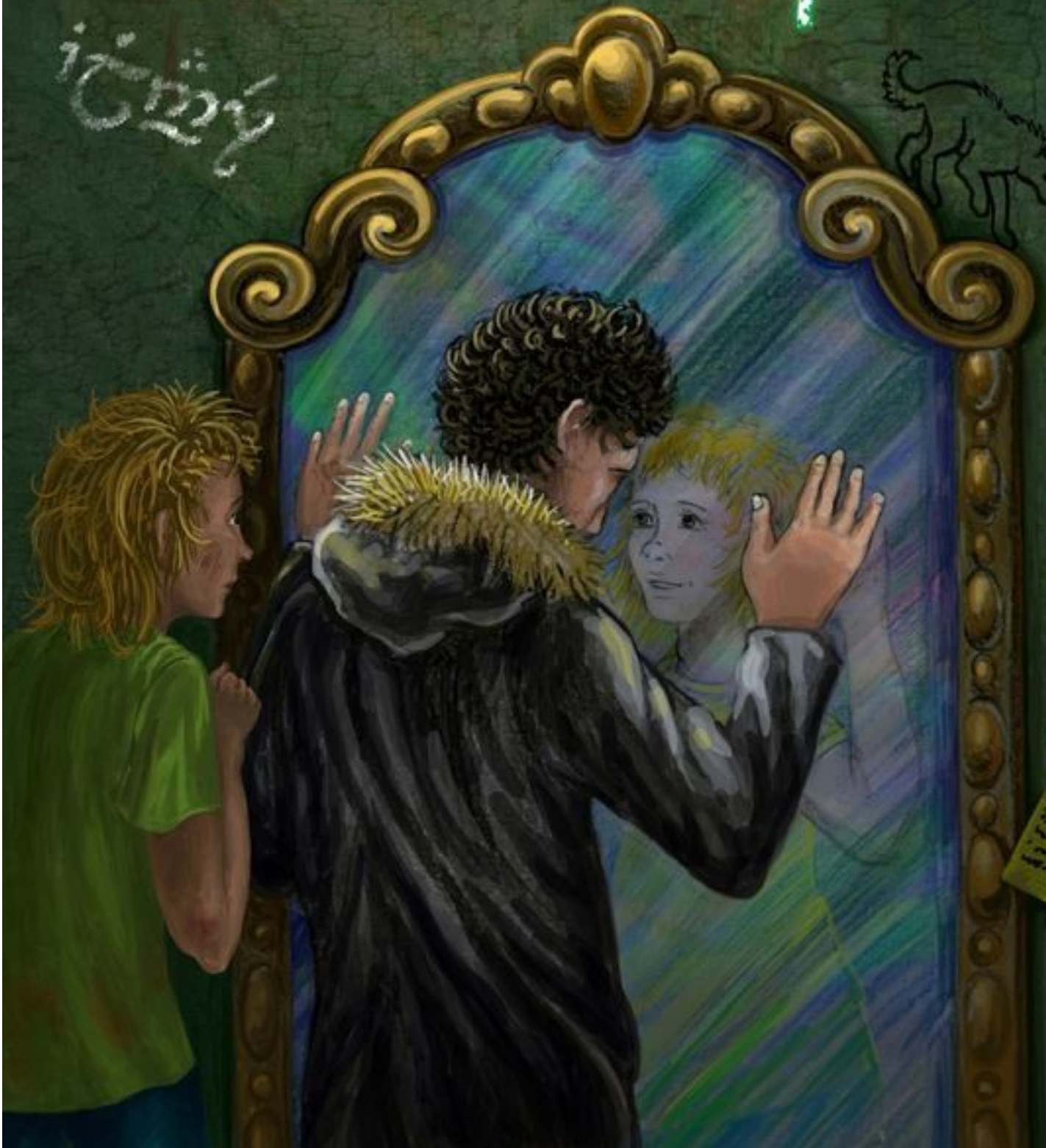

2012.06.25.11
Нибин Аиро

Илчиндрэ

ᠶᠡᠬᠡ

ᠶᠡᠬᠡ

Нибин Айро

Илиннарэ

«Издательские решения»

Айро Н.

Илиннарэ / Н. Айро — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745212-4

Чтобы столкнуться с магией и волшебством, вовсе необязательно попадать в другой мир. Их и в нашем предостаточно, как выясняется. Только вот что делать, если тебя окружило волшебство — а ты в него не веришь?

ISBN 978-5-44-745212-4

© Айро Н.
© Издательские решения

Содержание

I		6
	1	7
	2	10
	3	19
	Конец ознакомительного фрагмента.	20

Илиннарэ

Нибин Айро

Альке «Киллсир» Карибской, лучшей из мам

Дизайнер обложки Надежда Андреевна Пенкрат

Иллюстратор Надежда Андреевна Пенкрат

© Нибин Айро, 2017

© Надежда Андреевна Пенкрат, дизайн обложки, 2017

© Надежда Андреевна Пенкрат, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4474-5212-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Imagine all the people

Жизнь первая

1

На Театральной площади, немножко театрально...
Е. Клячкин

Комбик в этот день на аске¹ подложил Даньке свинью. Дохлую и тухлую. Поработал, вредитель, минут двадцать, подпевая хозяину дребезжащей минусовкой, а потом вдруг вообразил, что он тоже саксофон: завыл так, что люди на другой стороне площади подпрыгнули. Счастье, что поблизости не случилось прохожих, а то уложил бы наповал какого-нибудь пенсионера, точным попаданием в миокард... Пенсионерку, говорите? Да фиг вам, пенсионерка бы самого Даньку в асфальт палкой заколотила. Вместе с инструментом и комбиком. Пенсионерки – они твари живучие, хуже тараканов.

В общем, остался Даниил в самом начале аска... без ансамбля. Постучал на всякий случай по дурному ящику кулаком, интеллигентно выругался, поразмышлял – да и продолжил играть так. Сам, как говорится. Один. Не оставаться же, в самом деле, голодным из-за такой ерунды? Сакс – инструмент сольный, звучит громко, а что виртуозности у исполнителя не в избытке – так «чуйством» скомпенсирует!

От непривычной свободы «чуйство» и вправду разлилось, как весенняя Волга. Начав с неизбежных «Strangers in the night» (вернее, продолжив, ибо они-то и прикончили комбик), Данька очень скоро обнаружил, что играет джобимовский «Wave» и пытается импровизировать. Это его так напугало, что он чуть не уронил инструмент, спозорил на прощание какую-то кошмарную фразу, и умолк, смущенно сопя и озираясь – не услышал ли кто.

Услышали, к сожалению. Три девчонки, как раз остановившиеся послушать, разочарованно переглянулись. Первая улыбнулась, вторая поморщилась, третья полезла в сумку и достала кошелек. Физиономии всех трех были Даньке уже знакомы – впрочем, как и большинства остальных мучениц и мучеников районной музыкалки, расположенной неподалеку. Они регулярно бегали мимо его «рабочего места», иногда принося в клювиках скромные копеечки (собрат по несчастью, как-никак). Бегали, разумеется, в числе прочего музконтингента, а равно и хорео-, худ-, театрального и множества прочих: район был культурный... Не смотрите на дворы, пожалуйста. Не надо нюхать подъезды! Сказано вам – культурный! Только бедный. Вот наш герой почти час играл, выкладывался, как мог – а в «шляпе» опять одни копеечки. Из клювиков. Хотя и немало.

«Надо все-таки в центр перебираться», – с тоской думал герой, сняв мундштук и вытрясая из сакса воду. – «Опять вся байда заново! Место искать, договариваться, ругаться, рисковать инструментом... Почему, блин, нельзя по-человечески? Город им маленький?»

Продолжая мрачно размышлять о скотской природе человека, а также о том, чем бы таким заправить вечерние макароны, чтобы не стошнило, он выбрел на угол проспекта Декабристов – и обнаружил там давешнюю троицу, оживленно о чем-то спорящую. Пока сближался, наконец-то рассмотрел их поподробнее: та, что улыбалась – маленькая пухлая блондинка, в яркой куртке и светлых брючках; та, что кривилась – высокая брюнетка, в темном пальто до пят и стильной шляпке, несколько лупоглазая и с преувеличенной мимикой; и та, что дала десятку – рыжеватая, кудрявая, светлица, ярко, но умело накрашенная, в коротком расстегнутом плащике и таком же коротком платье. Самая хорошенькая, однозначно, из всех трех... хотя и блондиночка весьма ничего...

¹ «Аск» – от англ. «to ask», уличное попрошайничество (часто в виде игры на муз. инструментах). «Аскер» – человек, занимающийся аском. Хипповский жаргон.

Данька мысленно отвесил себе пенделя. Что за мысли?! Думать надо не об этих ссыкухах, а о Таньке, о послезавтрашнем сборище, о том, что туда притащить, и – schließlich und endlich² – о том, где это притащение взять. А то уже неприлично, чесслово. Еще надо комбик отремонтировать, как бы самому не пришлось... или попросить кого-нибудь со старшей группы? Кстати, и об универе тоже неплохо бы подумать – но это не сейчас, ибо и так мерзко...

– Эй? – окликнули сзади. – Мрачный молодой человек? У вас вся спина желтая!

– «...сказала Эллочка граммофонным голосом», – машинально процитировал Данька.

За спиной прыснули.

– Нет, ну реально желтая!

– По чесноку!

– Прислонились где-то!

«Тьфу ты блин!», – ругнулся Данька про себя. Остановился и попытался отряхнуться, не снимая футляра. Сзади заржали, не стесняясь, на три голоса:

– Молодой человек, вы гимнаст?

– Он йох!

– Идите сюда, йох, мы вам поможем!

– Спинку почешем! Чтоб вас потом не развязывать!

Стараясь не обращать внимания и держаться к мелким падлам спиной, Данька кое-как стянул куртку. Естественно, она была чистой. Повелся, как школьник.

– Молодой человек? – кокетливо спросили из-за спины. – А как вас зовут?

– А тебе что за собачье дело? – сорвался Данька, развернувшись и с опозданием увидев, что «задирает» его рыженькая, а не блондинка, как он ожидал. Впрочем, ответила ему как раз последняя, пока первая поджимала губки в обиде:

– А мы, может, хотим с вами поиграть!

И так она это сказала... А рыжая так стрельнула глазками... Мгновенно представил: пухляша сверху, «наездницей», рыженькая тоже сверху, но над лицом, а третья... ну пусть сбоку, прижимается... Блин!!! Да там прижиматься нечем! Этим дурам лет по четырнадцать! Они ж не то в виду имели, псих озабоченный!

Девочки, между тем, сами оценили двусмысленность предложения, и попытались наперебой исправить ситуацию.

– Да вы не так поняли!

– На инструментах поиграть! Музыка!

– На кларнете! Вот! Я знаете как умею!

– А я на рояле!

«Да», – отстраненно подумал Данька, – «ты бы хорошо на рояле смотрелась. Белая на черном. А подружка – с кларнетом. Во рту.»

– А то у нас нормальных сексофонистов... – с разгону выдала блондинка. Третья девчонка – до того молчавшая – выпучив до предела и без того выпученные глаза, звучно треснула ее по затылку.

– Зойка, блин! Заткнись уже!.. Слушайте, ну правда, – обратилась она к стоящему в полном обалдении Даньке. – Мы вас давно слушаем, нам нравится, как вы играете. Мы ансамбль хотели... предложить. Элька на кларнете, я на басу, эта дура – на клавишах... и вы на секса... ккс... ккс... З-зойка, б-блин, тебя убить мало!

– А ты кого дурой назвала?!

Воспользовавшись начавшейся между девчонками потасовкой, несостоявшийся ксексофонист повернулся и побежал со всех ног.

² в конце концов (нем.)

Не было бы счастья, как говорится, да несчастье помогло. Возвращаться на «свою» точку он, разумеется, не рискнул, а в поисках новой набрел на никем (почему-то) не занятый скверик на площади напротив Русского музея. И пока охрана окружающих площадь бизнес-центров и отелей подбирала челюсти от такой наглости – в чехол от сакса успели спорхнуть пара серо-зеленых Грантов, несколько цветных еврофантиков и экзотическая азиатская монетка с дыркой и нечитабельной надписью. А в довесок к экзотике – вполне приличная стайка родимых деревянных, в «серебре» и в бумаге. Теперь не стыдно было и в гости идти.

2

Это был дом-дом, и не тесно было в нем...
Тикки Шельен

Дверь «Танькобазы» официально считалась народным достоянием. На ней так и было написано – высокохудожественным Танькиным почерком, масляной краской замечательно лазурного цвета, между традиционным растаманским пацификом снизу и веселой морской звездой о семи лучах – сверху. Правда, последние две буквы вскоре оказались перееханы прибывшим без предупреждения длиннопоездом-разноцветнокошковым, из-за чего надпись приобрела несколько армянский акцент – почти сразу, впрочем, одобренный и зафиксированный лично Танькой путем исправления еще не перееханного слова. Понятное дело, открывать на стук этот «народный достоян» имел право любой из народа, кому случилось оказаться внутри и поблизости. И кому не в лом³, конечно.

Сегодня, например, внутри-поблизости-не-в-лом оказалось случиться Танькиной младсестре Анечке, более известной как Ньюшера-Шушера. Еще одно народное достояние, так сказать. Чудище обло, озорно, нагло, белобрысо и лаяй. Растопырилась в проходе – танком не сдвинешь.

– Дарова, Дандон. Танза где-то, я за нее. Предъявляй, с чем приперся?

Данька вздохнул, расстегнул, вытащил и предъявил. Ньюшера вылупилась, прочитала ценники, почтительно отступила назад и заорала куда-то вглубь квартиры:

– Граждане психи и примкнувшие! Фигейте хором! К нам миллионэр в гостях!

Традиционно непрерывный акустический спектр Танькиного логова разом превратился в линейчатый: смолкли бонги, заткнулся кларнет, затихла флейта, брякнули и исчезли клавиши, только гитара все продолжала свою бормотню с подвыванием («...Ванечка уже дунул...» – отметил Данька). Зато взамен всего возникли голоса.

– Шушерец, не пугай! Кого ты тампустила?

– Миллионэр – это х'рошо! Значицца, бухать бу'м!

– Кто о чем, а лысый о бане. Пойду посмотрю. Ни разу не видел живых миллионэров.

– А мертвых ты видела в штабелях?

– Мертвых я видел в гробу! Убери лапы, набросал тут. Нафига тебе их столько?

– Я тоже хочу глянуть, пусти. О, Дандончик! Хаюшки⁴! А где миллионэр?

Пришлось предъявлять еще раз. На этот раз бутылки пошли по рукам, вызвав самые разные реакции: от уважительного причмокивания разбирающейся в теме Лиззи Лиззард (попростому Пищерицы), до Ванечкиной равнодушной попытки немедленно открыть и уполовинить из горла. Совместными героическими усилиями трагедию предотвратили, продукт отобрали и вручили Ньюшере, наказав спрятать как следует до вечера.

Потом посыпались вопросы.

Потом все пошли пить чай.

Потом играли в музыку.

Потом пришли Мэлориан и Тень, и стали Показывать.

Потом вернулась Танюха и приняла участие.

Потом снова играли, уже не только в музыку.

Потом приходили еще всякие люди с еще всяким интересным.

Потом было все сразу, очень тесно и шумно, но как всегда здорово...

³ лениво (хип.)

⁴ от англ. «Hi!», т.е. «Привет!» (хип.)

А потом вдруг выяснилось, что уже вечер.

– Чтой-то ты, сынок, странный сегодня...

Танечка подкралась незаметно, и не вполне по-матерински обняла сидящего Даника за плечи, шепча на ухо:

– Поделишься с мамой?

Тот скосил глаза, встретил Танькин взгляд и поспешно напомнил себе: «инцест ферботен⁵». Пусть даже «системный». Ладно еще Айка... сестер много, в конце концов, а вот мама – одна.

– Поделюсь, – согласился он. – Только так, чтоб никто, ладно?

– Вау! – мамочкины глаза полыхнули синей вспышкой. – Я ее знаю? Познакомишь?

Но Данька отрицательно покачал головой.

– Не, тут не то. Тут хуже. Пойдем куда-нибудь, чтоб не подслушали?

– Пошли! – Танька секунду поразмышляла и решительно потащила его к двери, переступая через бесчисленные тела и конечности и разглагольствуя на ходу:

– Пипл⁶, мы в актовй зал минут на полчаса. К нам, чур, не ломиться! Нюха, следи за ними, чтоб закусывали. Если кто трахаться затеет – бери говномет и гони в спальню, нефиг тут. Стриптиз разрешаю. Курить на кухне. Не скучайте, короче, мы скоро!

С последними словами она вытолкала Даника в коридор и повлекла в сторону ванной. Ему в очередной раз стало ужасно интересно: а что думает пипл, когда они вот так внезапно вдвоем уединяются? Верит ли кто-нибудь, что с фигуристой синеглазой Танзой можно просто часами «языкать болталом», без всякого секаса и даже намеков на оный? Ой, вряд ли...

Нет, если по правде – мамочка ему очень нравилась, и сложись по-другому – он бы совсем не отказался ее повалить. А может, и замуж позвал бы. Бродили такие мысли, невзирая на солидную разницу в возрасте... Но сложилось так, что в момент встречи с синеглазкой у него уже была Любовь На Всю Жизнь, а когда спустя четыре месяца она иссякла – они с Танькой успели уже многое пройти и проехать, дважды поругались и помирились, насмотрелись друг на дружку в самых разных обстоятельствах, приятных и не слишком... а главное – сказали вслух: «я тебя люблю как сына» – «я тебя люблю как маму». После этого пересечь черту стало невозможно, не разрушив прежние отношения.

И хотя в последнее время они оба ощущают, что черта потихоньку превращается в пунктир на песке, и даже уже признались в этом друг другу – но нарушать статус-кво пока не торопятся. Как там Яценко поет: «*Время разбрасывать стулья – и их собирать*»? Вот-вот. Пусть еще поваляются немножко.

Но все-таки – что думает пипл? Там ведь кое-кто и приревновать может. И имеет право, кстати...

Зато вот маму этот вопрос совершенно точно не волновал. Усадив сыночка на край ванны, она зажгла на раковине припасенную как раз для таких случаев свечку-таблетку; высунулась наружу и выключила свет; как заправская шпионка, с подозрением оглядела пустой коридор, тщательно заперла дверь, пустила воду – и только тогда уселась рядом.

– Ну, рассказывай, сынок. Как маме, без утайки.

⁵ verboten – запрещен (нем.)

⁶ от англ. «people» – люди, народ (хип.)

– ...и тебе они нравятся? Так?

– Ну да.

– А как именно нравятся? Что именно?

– Нуу... – Данька задумался. – Ноги... больше всего. Волосы. Прически. Руки, пальцы особенно если тонкие. Вообще, фигуры. Одежда, если красивая. Голоса... нет, они у них... глючные. То пищат, то ломаются... Хотя бывают и нормальные.

Танька прищурилась:

– То есть дело не в том, что они маленькие, а в том, что они красивые? Были бы такие же, но взрослые – было бы лучше?

– Ну да, – согласился Даник. – Мне и нравится, когда как большие. Только изящные.

– Все ясно! – вынесла вердикт мамочка. – Никакой ты не извращенец! Просто временное помешательство на почве отсутствия подруги. Зато я теперь знаю, какая тебе нужна.

– Мам, ты только не вздумай мне сватать каких-нибудь! – всполошился Данька.

– И не подумаю! – весело успокоила Танечка. – «Не волнуйтесь, все будет натурально», как говорил Шурик. А сейчас еще давай проведем эксперимент, для надежности. Сиди тут, не уходи.

Она распахнула дверь – и Данька на секунду забылся, увидев родной и нежный силуэт в освещенном проеме. «Боже мой... Танечка...»

– Сынок, закрой глаза, – донеслось снаружи. – Я свет включу.

«Все-таки я для нее особенный. Другая бы и не подумала предупредить...» – с удовольствием размышлял Даник, с закрытыми глазами привыкая обратно к свету. – «Лиззи та же... пищерица, в натуре. Или Мэлориан. Хотя не, Мэлка предупредила бы, она хорошая. А вот Айра – точно нет. Хотя тоже хорошая. Хороший. Но я для него никто. А Шушера, скажем? А Шушера бы несколько раз включила-выключила, чисто назло. Ладно, у нее возраст такой... вредный... О, блин, легка на помине!»

– Дандон, спаси меня! Она ёбнулась!! Аааа!!!

– Кто?.. От кого?.. – ошалело спрашивал Даник, с трудом спихивая с себя Ньюшеру и пытаясь выбраться из ванны, куда она его свалила.

– От нее! – плаксиво пожаловалась девчонка, тыча пальцем в подбоченившуюся в дверях сестру. – Танза, ты ебанутая об пень, я всегда говорила! Дандон, прикинь! Она хочет, чтоб я тебе разделась!

– Да не ори ты! – Танька, оглянувшись, торопливо зашла внутрь и захлопнула дверь. – Вылазь давай, исчадие. И язык приberi, уши вянут.

– Не буду я никуда вылазить! – прогундосила Шушера, сворачиваясь в ванне клубочком. – Оставьте мою детскую душу в покое!

Танька, оттеснив Даника, шагнула и сорвала с держалки душ. Угрожающе взялась за кран:

– Не будешь? Тогда сейчас будет конкурс мокрых футболок! С холодной водой! Считаю до пяти. Раз!

На счете «три» Ньюха развернулась, как пружина, и попыталась одним прыжком улизнуть с конкурса. Но не рассчитала траекторию и снова влетела в Даньку, приложив того башкой о горячий змеевик сушилки.

– Ш-шушерец, м-мать твою за ногу!

– Анна!! Сидеть!!! Си-деть, я сказала!

– Вы ващще... ебба... бану... тытые... – забормотала Шушера, снизу вверх с ненавистью глядя на старших, но уже не делая попыток встать. Раз дошло до «Анны» – значит, все реально серьезно.

– Слышь, Таньк? – мрачно спросил Даник, ощупывая затылок. – Что за фигня, а? Чего ты на нее так напала?

– Да я хотела, чтобы она... – Танюха вдруг захихикала, очевидно, узрев себя со стороны. – Чтобы она... Тебе... С-с-триптиз устроила! Чтоб ты у-у-увидел... Ка-ка-какая я дуура-а!!

– Танза! Блядь! – проникновенно откомментировала сидящая на полу Шушера. – Он таки без моего стриптиза видит, какая ты дура!!! Я свободна идти, или у тебя еще столько прекрасных идей?

– Свободна! – Танька рывком подняла сестренку и прижала к себе. – Анька, прости меня! Я ж тя люблю! Простишь?? Ну скажи, простишь??

– Фефтра, я ваф умоляю... – бормотала Нюшка, уворачиваясь от торопливых поцелуев. – Финайте лякомедию... и приходите обратно в человека. Сделайте мне эволюцию. А то с вами стало трудно и меня тянет быть несчастной.

Данька, не выдержав, заржал:

– Шушера, чтоб тебя! Где ты этого набралась?!

Та, слегка утихомирив Таньку, обратила на него благосклонный взгляд.

– Видите ли, Дандон, современная интеллигентная рэбенек должна уметь различать Гоголя от Гегеля, Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, кабеля от кобеля, а кобеля от суки. Я таки сгораю от надежды, шо ответила за ваш интерэс? Прэлестно. Не бейтесь так верхним мозгом в кафель, сейчас сломаете и окажетесь в кухне, весь в боли и в пыли. Пожалейте тех, кто там, не будьте такой эгоист. Все, Танза, пусти, а то там Ванечка обещал Айру уконтRRапупить, а я болеть собиралась.

– Кто?

– Кого?!

– Айру?!

– И что он?!

Нюшера фыркнула.

– А он ей ответила так, что вы сейчас обольетесь. «Ванечка», сказала он, «я вас люблю нежно, но если вы вынудите меня einrammen вам flöte in den arsch – вы же ее и будете потом вытаскивать и мыть горячими, искренними слезами раскаяния. Не будь я Волк.» Вот что он сказала. А как он это сказала – я ему вообще не передаст. А вы мене тут спрашиваете, откуда и где и что! Побежали болеть, короче!

Увы, к сеансу уконтRRапупливания они опоздали. Впрочем, сеанса-то почти и не было, по свидетельствам очевидцев: Айра хоть и выглядел хилым подростком, зато не имел предубеждений ни в выборе средств самообороны, ни в их применении. На игрушках случались эксцессы, особенно с незнакомцами... Правда, сегодня, вопреки обещанному, флейта в процессе не участвовала, взамен Ванечке выпало попускаться⁷ большим томом грамматики нижненемецкого (это Пищерица по соседству повторяла к завтрашней контрольной), и теперь его наперебой допрашивали, проверяя глубину усвоения материала. Послушав немного, Данька заподозрил, что под невинной обложкой Лиззино учебника скрывается на деле продвинутый курс русского верхнематерного: многих сложноподчиненных конструкций он до сих пор не слышал даже от Ванечки.

Айра тем временем перехватил Танюшу, уволок в уголок и принялся об нее урчать. Выглядело это умилительно до невозможности. Танька хихикала и млела. Даник смотрел, расплывшись до ушей, и размышлял в очередной раз, как же ему воспринимать Айру: как брата,

⁷ «отходить» от наркотического воздействия (хип.)

как сестрицу, как обоих сразу, как милого зверька или как буйную (-ого) сумасшедшую (-его). Вариант А, например, сулил множество приятных минут (братец Айра уже успел однажды об него поурчать), но требовал окончательно открутить в мозгах Главную Гайку; вариант Б был сомнителен, потому что сестрица Айра могла перестать с ним общаться, да и другие не поняли бы; вариант В был заманчив, но требовал отпустить сразу две Главных Гайки – а столько у Даньки пока не было, он слишком недавно начал. Вариант Г, собственно, использовался сейчас, но имел, как всякое Г, множество минусов: например, невозможность поговорить со зверьком по душам и доверительно, на что Даньке настойчиво намекали и чего ему самому уже давно хотелось.

Ну, а последний вариант вообще вариантом не был – потому что означал уход из компании, с потерей Таньки, Мэлки, Аюшки, музыки, игр... да вообще половины жизни. Ибо Айра у них был всеобщим любимчиком и даже чем-то вроде mascota: во всей «большой» тусовке таких уехавших можно было сосчитать по одной руке. Заигрывались пиплы, бывало – но чтобы совсем в реал не ходить?! Немногие даже знали, как зовут Айру «по жизни»: Данька, например, не знал до сих пор, хотя про большинство остальных уже так или иначе выяснил.

Компания была, мягко говоря, пестрая. Непостижимым образом в ней смешивались и вступали в реакцию «толчки» Ира-Орли, Катя-Мэлориан и Тень (она же Хальда, она же Лумбулэ, она же Гватрен, она же Ху... стоп, за это можно и схлопотать), домашний волчонок Айра (в 2-х экз.), каэспэшники Дима «Добрый Ух», Лана-Светик и Птица-Надя, консерваторский музыкант Ванечка по кличке Ванечка, двухметровый, вечно накуренный и даже во сне не расстающийся с гитарой, «личинки филолога» Пищерица, Машка Черная и Машка Белая, техностудиозусы вроде самого Даньки или той же Ланы, восторженная деффачка Аечка подозрительного возраста, с прической типа «сунь пальчик в розетку», Туманное Существо Кся из столь же туманного Петрозаводска, прочие бесчисленные эльфы, назгулы, анимэшницы, фидошники, хыппи, хоббитки, планокуры, автостопщики – ну и, разумеется, умопомрачительная Танза и умопомешательная Ньюшера. В двух комнатах, коридоре и кухне кипело по вечерам такое варево, что Данька поначалу поражался: как соседи терпят??

Только зависнув здесь в первый раз на ночь, он увидел, что бедлам строго ограничен во времени – а побывав на других флэтах⁸, убедился, что «Танькобаза» по меркам тусовки и не флэт вовсе, а элитный клуб: с фейс-контролем, вышибалами и неписанным, но жестким кодексом правил. Притом что сама Танька ничем не управляла и не командовала, она вообще работала и объявлялась дома обычно к вечеру, когда веселье уже близилось к стадии «щас спую». Предполагать же диктатора в тринадцатилетней Шушере было бы окончательным безумием: шпынять ее не шпыняли, разумеется, но и всерьез не воспринимали (все, кроме Айры – который Ньюшку выделял, наоборот, и нередко вел с ней долгие приватные беседы на кухне). В общем, с некоторых пор Данька стал внимательнее приглядываться к процессу, пытаться понять: как же оно все крутится, не распадаясь? Кто здесь кукловодит?

Сейчас, например, в углу у окна смешанная компания бардов и менестрелей тянула под гитарку что-то суровое про драккары и коней; на диване Тень вполголоса устраивала Лиззи сеанс разговорного немецкого, попутно расшивая бисером юбку; под диваном лежал Айра, порывкивал и время от времени, быстро высунувшись, кусал девчонок за лодыжки (Тень хихикала и ойкала, Пищерица только рассеяно дрыгала ногой). Справа от Даньки сидела и рисовала смуглая носатая Орли, тоже хоббит, как он, и даже сестренка по отцовской линии (самого Данькиного папаши здесь сегодня не было, он умотал на какой-то слет). В центре комнаты обжимались на «пенке» Растаман Сережа и Оса-Полоса, страшненькое тощенькое существо, одно из немногих, с кем Данька не состоял даже в знакомстве, не то что в родстве. Рядом

⁸ от англ. «flat» – квартира, где собираются тусовщики (хип.)

с ними, не обращая никакого внимания, валялась на спальнике и втыкала⁹ в книжку Шушера. На фоне Осы она смотрелась настолько выигрышно, что не знай Данька о ее особом здешнем статусе – сильно бы удивился, почему Сережик лапает не ее, а эту прыщавую чучелу.

«Вот и что у них... у нас общего?» – размышлял он, заново оглядывая комнатную фауну, машинально подпевая взявшей гитарку Лане и прислушиваясь к обрывкам доносящегося из кухни разговора (как обычно, что-то заумное, какие-то зеркала и отражения в мифологических контекстах).

«...Я же вообще здесь левый, на самом деле. Почему мне тут так кайфово? Потому что я могу сейчас положить Орли башку на колени, а она улыбнется и почешет за ухом? Кстати, это же она меня рисует! Класс... Может, как раз потому, что творчество все время? Музыка? Свобода? Или... Хм... Если б Таньки здесь не было бы – как бы оно было бы? Для меня?.. Да так же, на самом деле. Не в Таньке дело. Просто... люди хорошие. Настоящие. Хоть и эльфы. Ага, особенно Ванечка. Настоящий человек, чо. Урукхай фигов... Но если Ванечку убрать – настанет дырка. В форме урукхая. И в дырку будет сквозняк. Или вот Аюшка...»

– Мурки, Даничка! Чего грустный?

– Так. Ду-у-умаю.

– Ду-умать вредно, – хихикнула Аюшка. – Еще доду-умаешься. Приходи лучше ко мне на днюху? Второго числа в хисиме... ой, в ноябре.

– О! Конечно, приду! А где?

– А здесь. Танзу потесним слегка. Народу будет немного, ты почти всех знаешь. Мур?

– Мурр, еще какой мурр! Спасибо! Падай сюды?

– Хи! А мама увидит?

– Язык покажем. Падай, падай.

– ...Эй? – немедленно донеслось из-под дивана. – Вы двое, я тебе говорю! Инцест ферботен! Аище, отцу расскажу – выпорот!

– Подумаешь! – надулась Айка. – Уже и посидеть нельзя!

– Ага, – согласился Даник, – сразу всякие бдуны набегают... с ферботеном наперевес...

Ну их! Сестренка-сестренка, а зачем тебе такие длинные ноги?

– А это – чтобы Ньюшера завидовала.

– О-ой... о-ой... я вот прямо вся уже иззавидовалась!

– А мы не с тобой говорим, между прочим... Сестренка-сестренка, а зачем тебе такой замечательный хайр¹⁰?

– А это – тоже чтобы Ньюшера завидовала.

– Тьфу! Кикиморо болотное вульгарис!

– Шушера у нас сегодня злока злючная... Сестйонка-сестйонка... а вот это у тебя – засем такое болфое?

– А это – чтобы Ньюшера ващще треснула от зависти.

– Слышь, ты?! – Ньюшина книжка шмякнулась в стену возле Айкиного уха. – Аец позорный?!

– Я вас внимательно?..

– Заткнись, поняла?! Завали хлебальник!!

– Фига себе... – обалдел Даник. – Девчонки, не ссорьтесь!

– А пусть заткнется! Заипала уже!

– Я ж говорила: завидует, – пропела Айка, демонстративно отряхивая подобранный книжку. – У самой-то...

⁹ «втыкать» – глазеть, пялиться с бессмысленным видом (хип.)

¹⁰ волосы (хип.)

– Аице, прекрати! – Айра, только что бывший под диваном, вдруг оказался в центре комнаты. – Лайхэ, не надо. Не кусайся. Ну бывают дуручки, на всех не назлишься. Ты лучше ее. Ты вообще лучше всех. Можно, я тебя обниму?

– Айра... Айрочка... братишка... ты тут один настоящий. Такой хороший... А я себе выращу все, вы еще сами обзавидуетесь! – Шушера вскинулась. – Аец, слышь? Через два года поговорим. Померяемся. Спорим, что у меня больше будут?

– Спорим! На что?

– На побриться налысо!

– Давай! Все свидетели? Забились!

– Забились. Все, Аец... – она сладко потянулась, – ...совершеннолетие ты встретишь лысой. Будешь плакать и рвать на попе волоса.

Комната разом притихла.

– Оппаньки...

– Че, в натуре, что ли?! Шушера, ты прикалываешься?

– Не-а!

– А я-то думал...

– Охуеть новости. Айка, так сколько тебе? По-честному?

– Ну, Ньюша... – выдохнула Айка, – ну, падла... ДА, МНЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ! Через две недели будет! Довольны?!

– Фьиу...

– Аечка, предупреждать надо. Это статья, вообще-то.

– Хренасе подстава...

– Айка, ты ваще ку-ку? Про возраст согласия не слышала? Даже мне шестнадцать есть! И Айре тоже!

– Тебя, блин, даже фоткать нельзя! «Цэпэ» – и небо в клеточку! Предки-то знают, где ты тусуешься?

– Если узнают – нам писец. Пацаны, честно: кто-нибудь с ней уже...

– Отстаньте от нее!

Танька, непривычно бледная, прошагала среди молча пялящегося народа к рыдающей Айке, села рядом. Обняла, осторожно подвинув Данькины руки.

– Не плачь, солнышко. Не плачь... Пипл, – обратилась она к собранию, – на сегодня лавочка закрыта. По домам. Кому некуда идти – погуляйте часик, потом возвращайтесь. Остальные – аста маньяна до как обычно. Ньюша, не вздумай смыться! Айра, ты останешься? Сын, останься тоже, а? Можешь?

– Илиннарэ, ну ты пойми...

– Аец!

– Ой! Извиняюсь. Тань... пойми, я и так родителей еле держу, они в любой момент могут передумать. Ну не умею я, как вы, хоть сколько ты мне сил дай, не умею! А если меня сейчас выпнут, если я сорвусь – это все! Или сдадут квартиру, или продадут вообще. Что тогда будет? Куда она пойдет? Вы от меня зависите, мне противно это говорить, но это правда! Поймите, наконец!

– Да никто тебя не выпнет, Аюш! Ну что ты себе вбила в голову!

– Ага, не выпнет! Видала, как они шарахнулись? Лайхэ, ну вот объясни мне: вот нахрена было это делать?

– Да это сразу надо было сделать, я тебе раз двадцать пять говорила! Ты же реально всех подставляешь! Айра, ну скажи ей, брат? Ты ж тоже во сколько лет пришел?

– В четырнадцать. Но Лай, ты не права. Айку никто бы не раскрыл, если б не ты. Я – другое дело...

– Конечно! Ты же нормальный, ты не просил себе сиськи четвертого размера... в двенадцать лет!

– Третьего!! Какое тебе дело, кто что просил!

– Да никакого мне дела! Только вон Даник из-за тебя сядет, а так – вообще никакого!

Услышав свое имя, Данька встряхнулся. Дерганый и малопонятный разговор нагонял на него дремоту, тем более что было уже сильно за полночь. Попытался сложить последние минуты во что-нибудь осмысленное – и убедился, что как минимум половина ему приснилась. Кто такая Линара, например? Что за квартира? Почему вдруг Танька и Нюшера зависят от Айки? Как можно «попросить себе сиськи», хоть третьего размера, хоть какого? Сплошной бред, короче.

– Слушайте, народ... – он совсем не демонстративно зевнул. – Отпустите меня спать, а? А то я все равно левый в ваших терках, ни фига не врубаюсь.

Спорщицы уставились так, будто Данька у них на глазах возник из пустоты. Первой опомнилась Айка – и почему-то рассмеялась. За ней заулыбались все остальные. Танька решительно поднялась из-за стола:

– А и правда, ребятки. Давайте уже баиньки. Основное вроде утрясли...

– Ничего мы не утрясли. – Айка снова помрачнела. – Илин, давай честно: ищите запасной полигон. Я вас не гоню, буду прикрывать, сколько смогу... но ты же видишь.

– Вижу, вижу... – Танька была безмятежна. – Не паникуй пока. Я скажу, когда начинать. Кстати, ваш спор остается в силе?

– А как же!

– Сто процентов!

– Ах, сто? А ты понимаешь..., – она повернулась к Нюшере, и в глазах у нее заплясали чертики, – ...что ты свое уже попросила и получила? И тетушка Луннаур тебе больше не помощница? Что вырастет теперь – то и вырастет!

Секунду или две на Нюшере было жалко смотреть. Потом она как будто встряхнула себя за шкуру: выпрямилась, хлестнула взглядом злорадно разулыбавшуюся Айку, и с вызовом отчеканила:

– И хендэньар вэньи нар, эмилинья Илиннарэ! Саман нарэнья!¹¹

«Опять сплю», – подумал Данька, и ради проверки ущипнул себя за ухо. Ничего не изменилось: Айка и Айра так же стояли, отвесив челюсти, Танька молча и с нежностью глядела на сестру. Потом проговорила тихо:

– Саматьэ, неттинья титта. Саматьэ!¹²

– Фига себе вы даете... – первым очнулся Айра. – Высокая речь! Я на синдарине-то двух слов связать не могу!

Айка нервно захихикала:

– Ой, да не прикидывайся валенком. На «варкрафте», когда нас киднепнули – с той троллялей¹³ кто болтал? С соседнего племени приходили смотреть! Но Лайхэ, ты крута, конечно... Слушайте, научите меня тоже, в конце концов?

«...Так вот оно что!» – заторможенно соображал Данька. – «Это и есть их эльфийские языки! Кенья, синдерин, еще какие-то... И что, они на них реально говорят?! Боже жь мой, куда я попал?»

¹¹ «Мои глаза – зеленые, мама Илиннарэ! У меня есть свой огонь!» (квэнья)

¹² «У тебя есть, моя маленькая дочь. Есть.» (квэнья)

¹³ эльф – эльфийка, гном – гномиха, тролль – тролляля :)

Шушера, смущенная и сердитая одновременно, побуравила Айку взглядом и проворчала:
– А тебе самой что, религия не позволяет? Учебников – навалом! Печкина¹⁴ тебе принести?

Та страдальчески скривилась:

– Да ну! На русском – это фигня же, а на английском – я его не знаю! Ну Ла-а-аечка! Ну ла-а-апочка!

– Нюшк? – неожиданно для самого себя влез Данька. – Я тоже хочу. Прикольно. Давай мы тебе группу соберем?

– А что?.. – задумчиво поддержал Айра. – Я бы подписался. Машка Белая тоже хотела, я слышал. Лайхэ, давай, классная идея!

– Реально, будем всех пугать! Идти по Невскому и трепаться на квэнье!

– И на играх пригодится! Драконов заклинать!

– Нашли себе училку, – бурчала Шушера среди всеобщего энтузиазма. – Я вас научу. Драконов им... Вы у меня первое, что выучите – это «Нюсенька, вытаси у меня паяльник из зопы!»

– А как на эльфийском «паяльник»? – немедленно спросил Данька.

Нюшка подумала и честно призналась:

– Не знаю. «Люсина танвэ», я бы сказала.

– Люсина что?!

– Танвэ!!

– Ыыы! – Айра схватил хохочущую Айку за руки и пустился с ней в пляс по коридору. – Люси инзе ска-ай виз та-анвэ! Люсин ин зе скаа-а-аай виз таа-а-анвэ! Я люблю эльфийский!! Я люблю эльфий!! Ский!! Я люблю вас всех!!!

¹⁴ Популярный учебник «Квэнья для начинающих» под авторством С.М.Печкина

3

Жить по полной луне!
О. Медведев

Данька втайне надеялся, что его уложат спать где-нибудь неподалеку от Аюшки. Хотя бы в одной комнате. Но, видимо, он слишком плохо зашифровал свою тайну – и теперь между ним и вожделенной сестренкой пролегли две двери и коридор. Данькины навыки телекинеза и телепатии на такие масштабы, увы, не распространились, так что донжуанские планы пришлось отставить в сторону.

Зато в противоположном углу комнаты расстелил свои пенку и спальник неприхотливый Айра – и сейчас Данька дожидался его возвращения из душа, старательно тараща глаза и обдумывая, как лучше завязать разговор. Такой случай упускать было просто грешно.

Только когда в коридоре зашлепали легкие шаги, ему вдруг открылось одно Непредвиденное Обстоятельство. Состояло оно в том, что Айра – как его ни зови и кем ее ни считай – физически и телесно все-таки была девушкой. Правильно ли это – разглядывать в упор, как малознакомая девушка укладывается спать? Не лучше ли закрыть глаза и притвориться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.